

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 2 (41)

Санкт-Петербург
Академический проект
2000

ОБ ИСТОЧНИКЕ ОДНОЙ «ЦИТАТЫ»
(ПУШКИН И ВИНКЕЛЬМАН)

Винкельман, чьи труды составили эпоху в европейском искусствознании, был упомянут Пушкиным всего один раз, в кратком наброске «О критике» (1830) (XI, 139, 383), так никогда и не развернутом в большую по объему статью. В первых трех абзацах (а в наброске их в общей сложности пять) поэтом дается определение критики и утверждается, что она зиждется «на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений». Затем Пушкин переходит к мысли о необходимости «чистой любви к искусству» как о предпосылке всякого подлинного критического суждения. Именно это вызывает в его памяти имя Винкельмана, влечет в подтверждение собственных идей вольную цитацию пассажа из трудов немецкого историка и теоретика искусства:

«Не говорю о беспристрастии — кто в критике руководствуется чем бы то ни было кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знатоком в художествах? говорит Винкельман. Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях» (XI, 139).

И. Е. Бабанов, один из наиболее тонких знатоков немецкой эстетики XVIII века, в статье «„Покровенная глава Агамемнона...“» сетовал на неудовлетворительность комментариев к этой цитате и возвел ее к иному высказыванию Винкельмана:

«В именном указателе к Большому академическому изданию сочинений Пушкина (XVII, 137) названа в качестве источника статья Винкельмана „О способности чувствовать прекрасное в искусстве“, в которой, однако, не содержится мысли, отдаленно напоминающей нам пушкинский текст. По всей видимости, Пушкин пересказывает программный тезис Винкельмана из тех же „Мыслей о подражании...“: „Едиственный способ для нас стать великими и, если возможно, неподражаемыми, это — подражание древним, и сказанное кем-то о Гомере, что им научается восхищаться тот, кто научился его понимать, относится также к произведениям искусства древних, в особенности греков. Их нужно знать, как своих друзей, чтобы находить Лаокоона столь же неподражаемым, что и Гомера“»¹.

Приведенный И. Е. Бабановым отрывок вряд ли можно считать убедительной параллелью к цитате из Винкельмана (точнее, к псевдоцитате, как я стараюсь показать); речь идет в нем о научении восхищаться древними, о том,

что их нужно знать, как своих друзей, но о любви к искусству безотносительно к тому, когда тот или иной художник жил или живет, Винкельман здесь ничего не пишет. То, что столь искушенному комментатору как И. Е. Бабанов не удалось найти более убедительного примера в сочинениях Винкельмана (впрочем, как и мне самому), наводит на мысль, что одна из идей немецкого историка и теоретика искусств могла быть воспринята Пушкиным при посредничестве какого-либо иного текста (при этом в несколько измененном виде). Им, как кажется, была книга Жермены де Сталь «О Германии» (шестая глава второй ее части называется «Лессинг и Винкельман»).

Как известно, это объемное сочинение Жермены де Сталь, сыгравшее исключительную роль в пробуждении интереса к немецкой культуре и в формировании литературы европейского романтизма, было окончено весной 1810 года. Напечатанный вскоре тираж был запрещен и уничтожен цензурой — книга вышла в свет в Лондоне в октябре 1813 года и в течение нескольких лет неоднократно переиздавалась. История знакомства с ней в России детально прослежена, поэтому вряд ли имеет смысл останавливаться на этом аспекте подробно². Укажу лишь, что к моменту появления в 1820 году переведенной П. А. Плетневым главы «Лессинг и Винкельман» в журнале «Соревнователь Просвещения и Благотворения» книга Жермены де Сталь в подлиннике и в переводах отдельных глав была широко известна в России. Для удобства однако я буду ниже ссылаться в первую очередь на эту появившуюся при жизни Пушкина публикацию.

Мадам де Сталь, начиная свою характеристику Винкельмана в упомянутой выше главе, относит его к числу писателей («совершенство слога его дает ему первое место между немецкими писателями»). Затем в духе своей общей концепции (культуры Севера и Юга, их извечное взаимное тяготение и противостояние и т. д.) она излагает в самом общем виде биографию Винкельмана и с особым драматизмом описывает его пребывание в Германии незадолго до смерти, восхищается его стилем, его умением описывать статуи (в первую очередь Аполлона Бельведерского и Лаокоона). Под конец, говоря о том, как следует созерцать произведения искусства, она роняет мысль, столь увлекшую русского поэта: «Рассматривание их (т. е. произведений искусства — *К. Л.-Д.*) должно возбуждаться любовью к ним: привязанность к лучшим произведениям дарований должна помогать раскрытию в них тысячи прелестей, как в чертах нашей любезной»³.

На основании упоминания в первых строках имен трех немецких мыслителей и на основании пушкинского интереса в это время к эстетической проблематике И. Е. Бабанов убедительно сблизил набросок «О критике» с другой неоконченной статьей Пушкина — «О народной драме и драме „Марфа-посадница“» (1830), начинающейся так: «Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжел.<ого> педанта Готштеда; мы все еще

повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и в Ап.<оллоне> Бельведерском?» (XI, 177).

Б. В. Томашевский усмотрел в этих строках отталкивание от некогда слышанного в Лицее и отметил смысловое совпадение с несколькими положениями в лекциях П. Е. Георгиевского⁴. Однако чем можно объяснить подобный ассоциативный ход, почему эти имена вдруг обрели для поэта актуальность?

Комментаторы последнего академического свода лицейской лирики в примечаниях к «Пирующим студентам» (1814) вполне резонно пишут: «Имена греческих и римских философов и историков, а также Иммануила Канта — более или менее случайные обозначения ученых, „холодных мудрецов“, не свидетельствующие о специальном знакомстве с их творчеством»⁵. Столь же мимолетно упоминание Канта в «Евгении Онегине» при характеристике Ленского (глава II, строфа VI). Имя Лессинга встречается лишь в наброске статьи «О народной драме и драме „Марфа-посадница“»; имя Готшета — еще раз мимоходом в одной из редакций статьи «О ничтожестве литературы русской» в связи с Ломоносовым: «...между тем как сын холмогорского рыбака скитался по германск.<им> университетам, вслушиваясь в уроки Готшета» (XI, 501).

Уважительная апелляция Пушкина к именам Канта и Лессинга вполне сообразуется с тем, что писала о них госпожа де Сталь⁶, Готшета же она охарактеризовала всего один раз и крайне уничижительно: «un savant sans goût et sans génie»⁷ («ученый без вкуса и таланта» — *франц.*).

Существенно и другое, в статье «О народной драме и драме „Марфа-посадница“» один из наиболее волнующих Пушкина вопрос — это вопрос о правдоподобии сценического искусства и о том, можно ли требовать его и в какой форме от драматического писателя. Именно эта проблематика заставляет опять вспомнить главу из книги Жермены де Сталь «Лессинг и Винкельман», которая начинается с восторженной характеристики немецкого драматурга и его стиля, глубины его идей, многообразной одаренности. Столь же сочувственно пишет мадам де Сталь о «Гамбургской драматургии» (1767—1769) Лессинга, «произведшей новое чувство», пробудившей в Германии интерес к Шекспиру и приведшей к тому, что немцы «осмелились в Германии выдавать себя за немцев»:

«Лессинг сделал разбор французского театра, тогда любимого немцами, и утверждал, что английский театр ближе подходил к духу его соотечественников. В суждениях своих о „Меропе“, „Заире“, „Семирамиде“ и „Радогуне“ он не говорит о каком-нибудь потерянном в частности правдоподобию; он вооружается против искренности чувств и характеров, принимая

всякое лицо в сих выдумках за действительное существо: его критика есть разбор человеческого сердца и вместе наука Поэзии»⁸.

Любопытно, что одна из формулировок в переводе П. А. Плетнева («искренность чувств и характеров») очень близка к выраженному в седьмом абзаце пушкинской статьи: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя» (XI, 178)⁹.

Размышления об античной и западноевропейской драматургии играют в статье Пушкина роль введения, ее главная тема — история театра русского. Общее течение мысли Пушкина поэтому обнаруживает независимость от идей Жермены де Сталь, литературные заслуги которой, как известно, Пушкин высоко ставил. Вероятно, около 1830 года Пушкин перечитывал ее книгу «О Германии», и идея о первенствующей роли правдоподобия чувств и характеров в произведениях драматического рода оказалась ему созвучной. Под влиянием книги де Сталь Пушкин вводит в статью имена Канта и Лессинга, с трудами которых он был вряд ли хорошо знаком и уважение к которым было, скорее, заочным. Именно эти имена, по-видимому, вызвали в его памяти воспоминание о лицейских курсах эстетики, в которых Кант часто упоминался (отсюда — справедливо отмеченное Б. В. Томашевским отталкивание от банальностей, преподносившихся лицеистам П. Е. Георгиевским).

Как известно, Пушкин плохо владел немецким языком¹⁰, что стало одним из главных препятствий, когда он захотел в зрелом возрасте ближе познакомиться с немецкой литературой. Французские посредники в это время стали для него важным подспорьем (так, и Шиллера, и А. Шлегеля он читал во французских переводах; см. об этом в письмах; XIII, 151, 163, 255). Как убедительно показали Б. В. Томашевский и В. М. Жирмунский¹¹, при создании «Сцены из Фауста» Пушкин пользовался подробным пересказом «Фауста» в книге де Сталь «О Германии» и содержащимся в ней прозаическим переводом отдельных сцен трагедии Гете. В этом контексте цитация Пушкиным Винкельмана по книге госпожи де Сталь не представляется чем-либо неожиданным, хотя труды немецкого теоретика искусств в оригинале и во французских переводах были к тому времени хорошо известны в России.

Собственно рецепция идей Винкельмана в России началась в 1770 году, через два года после его пресловутого убийства в Триесте, как явствует из «Слова о художествах древних» профессора Московского университета Иоганна Готфрида Рейхеля: «О заслугах Винкельманна, коварно лишенного жизни, какие он оказал в свободных художествах, лучше молчать, нежели мало говорить. Сочинения ж сего в художествах искуснейшего мужа достойны того, чтоб любители словесных наук читали их с великим прилежанием»¹².

В конце XVIII столетия увлечение идеями немецкого теоретика пережили в России Н. А. Львов, И. И. Вьен, П. П. Чекалевский, А. Н. Оленин.

В первой трети XIX века фактически ни одно сочинение по истории и теории искусств не обходилось без цитат из Винкельмана, упоминаний его имени и т. п. В популяризации его идей особенную роль сыграли два журнала с одним и тем же названием «Журнал изящных искусств». Первый из них издавался в 1807 году И. Ф. Буле, второй в 1823 и 1825 годах — В. И. Григоровичем. В них помимо всего прочего публиковались переводы сочинений Винкельмана и отрывков из них.

Восторженным поклонником немецкого историка и теоретика искусства был лицейский преподаватель Пушкина Н. Ф. Кошанский, задумавший в 1815 году полный перевод «Истории искусства древности» и хлопотавший перед Лицейской конференцией о финансировании этого предприятия. Возглавлявший конференцию А. К. Разумовский отказал Н. Ф. Кошанскому по следующим соображениям: «Его Сиятельство не может одобрить намерение профессора Кошанского приступить к переводу творений Винкельмана, ибо сие пространное сочинение может быть покупаемо только для больших библиотек, для коих предпочтется подлинник переводу, притом Его Сиятельство, не находя нужным ввести оное творение Винкельмана в употребление в училищах, не имеет и другой суммы, из коей можно было бы сделать Кошанскому пособие к изданию его перевода»¹³. Уважительные отзывы о вкладе Винкельмана в сокровищницу европейской мысли Пушкин мог слышать и от А. Н. Оленина, и от К. Н. Батюшкова, и от Н. И. Гнедича, и от П. А. Плетнева, и от А. А. Дельвига¹⁴, и от литературной молодежи, группировавшейся вокруг журнала «Московский вестник», и от многих других. Именно поэтому идея о влюбленности в произведения искусства, приписанная Жерменой де Сталь Винкельману (и несомненно в свою очередь навеянная знакомством с его сочинениями), нашла отклик в сердце великого поэта.

¹ *Бабанов И. Е.* «Покровенная глава Агамемнона» // Рус. лит. 1979. № 4. С. 171. Как и И. Е. Бабанова, отсылка в академическом издании сочинений Пушкина не удовлетворила Б. С. Мейлаха, предложившего такое ее объяснение: «Эта мысль (о необходимости любви к произведениям искусства — К. Л.-Д.) — одна из самых характерных для Винкельмана. Ей посвящена его работа „О способности чувствовать прекрасное в искусстве“, где проводится идея о необходимости обучения и воспитания для того, чтобы выработать понимание красоты. Однако в этой работе мы не обнаружили цитированных Пушкиным слов. Они являются или обобщением мыслей Винкельмана, или перифразировкой следующего положения из его „Истории искусства древности“: „Не ищи в произведениях искусства недостатков и несовершенств, прежде, чем научишься распознавать и находить прекрасное“» (*Мейлах Б. С.* Пушкинская концепция развития мировой литературы // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VII. Л., 1974. С. 34—35). Отмечу попутно, что ни одного из сочинений Винкельмана (как, впрочем, и Канта, и Лессинга) не находим в описании библиотеки Пушкина, сделанном Б. Л. Модзалевским.

² В первую очередь следует назвать: *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Лит. наследство. М., 1939. Т. 33—34. С. 215—330; *Заборов П. Р.* Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические веяния. Л., 1972. С. 168—221. Здесь же и основная литература вопроса.

³ Соревнователь Просвещения и Благотворения. Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1820. Ч. XI. № 9. С. 314—324. В подлиннике: «Il faut que l'attention qu'ils excitent vienne de l'amour, et qu'on découvre dans les chefs-d'oeuvre du talent, comme dans les traits d'un être cheri, mille charmes révélés par les sentiments qu'ils inspirent» (*Mme de Staël*. De l'Allemagne. Nouvelle édition publiée d'après les manuscrits et les édition originales...par Comtesse J. de Pange. Vol. 2. Paris. 1958. P. 67).

⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1969. С. 446.

⁵ *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 546.

⁶ Имена Канта и Лессинга неоднократно встречаются на страницах книги де Сталь; помимо этого им посвящены и отдельные главы, и их значительные части. См. в первую очередь: «Lessing et Winckelmann» и «Les brames de Lessing» (seconde partie), «Кант» (troisième partie).

⁷ *Mme de Staël*. De l'Allemagne. Vol. 2. P. 38—39.

⁸ Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1820. Ч. XI. № 9. С. 316. Ср.: *Mme de Staël*. De l'Allemagne. Vol. 2. P. 62—64.

⁹ Близость этого высказывания эстетическим установкам Лессинга была отмечена В. Н. Коноваловым (*Коновалов В. Н.* Лессинг в русской критике и эстетике XIX века // *Deutsch-russische Sprach- und Literaturbeziehungen im 18. und 19. Jahrhundert*. Fr. a/M.; Berlin; Bern et al., 1994. S. 117 (Beiträge zur Slavistik / Hrsg. von H. Jelitte. Bd. XXII). Однако и в данном случае, возможно, дело не обошлось без посредничества книги мадам де Сталь.

¹⁰ Ср. характеристику знаний Пушкина в лицейской табели от 19 ноября 1812 года: «Немецкий язык. При всей остроте и памяти нимало не успевает» (Дней Александровых прекрасное начало / Сост. Л. Б. Михайлова. СПб., 1996. С. 88). В ведомости 1816 года находим самую низкую оценку «худо» (Там же. С. 92).

¹¹ *Томашевский Б. В.* Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 352; *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 105—106. Оба ученых не сомневались в автобиографизме строк Пушкина из черновиков к «Евгению Онегину»:

Он знал немецкую словесность

По книге госпожи де Сталь.

(VI, 219)

Даже Р.-Д. Кайль, нашедший несколько косвенных подтверждений того, что Пушкин все же обращался к немецкому оригиналу, не отрицает первенствующего значения книги г-жи де Сталь для Пушкина (*Keil R.-D.* Fünf kleine Puškin-Studien mit einem Vorwort // *Canadian-American Slavic Studies*. 1980. Summer. Vol. 14. P. 245—248).

¹² *Рейхель И. Г.* Слово о художествах древних, в которых замысл и искусство художников похвалу заслуживают. [М.], 1770. С. 8.

¹³ *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и его книги. СПб., 1997. С. 96.

¹⁴ О влиянии идей Винкельмана на стихи А. А. Дельвига см. в статье В. Э. Вацуро «Дельвиг и искусство» (*Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 193—201).

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

I

Материалы и сообщения

<i>Н. П. Прожогин.</i> «Мучительная тень». (В поисках Амалии Ризнич)	7
<i>Ч. Дж. де Микелис.</i> Предание о Папессе Иоанне и набросок Пушкина ...	26

II

Обзоры

<i>Л. А. Тимофеева.</i> Puschkiniana—1991	39
<i>Т. В. Евдокимова.</i> Puhkiniana—1992	68
<i>Б. Л. Кандель.</i> Переводы романа «Евгений Онегин» на иностранные языки. Библиографический указатель	100
<i>М. Я. Мельц.</i> Песни и романсы на стихи Пушкина в произведениях русских писателей и фольклоре	138

III

Заметки

<i>С. В. Березкина.</i> Из комментария к лирике Пушкина	159
1. Стихотворение «Будь подобен полной чаше...»	159
2. Послание к Л. П.<ушкину>	167
<i>Л. С. Дубшан.</i> «Что с тобой, скажи мне, братец?..» (Адресат и подтексты)	171
<i>Н. Л. Васильев.</i> Полежаевская реминисценция в стихотворении Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...»	194
<i>С. К. Романюк.</i> Московские реалии в шутке Пушкина	196
<i>И. З. Сурат.</i> Библейский подтекст в оде «Вольность»	202
<i>Джин Ен Ким.</i> О любовной риторике Пушкина («Я вас любил...» и «Я вас любила...»)	204
<i>В. Н. Фойницкий.</i> О некоторых нераскрытых и непрокомменти- рованных источниках фразеологии произведений Пушкина	211
<i>М. В. Безродный.</i> О польской речи в «Борисе Годунове»	222
<i>Е. В. Фролова.</i> Музыкальная драматургия трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери»	225

<i>О. В. Астафьева.</i> Пушкин и Жанен. (К проблеме реконструкции замысла повести «Мы проводили вечер на даче...»)	239
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский.</i> Об источнике одной «цитаты» (Пушкин и Винкельман)	247
<i>Ю. Г. Епатко.</i> Неизвестный бюст Пушкина работы Александра Лемольта	253
<i>К. И. Шарфадина.</i> «Психея которая задумалась над цветком...» (О неосуществленном замысле одной виньетки)	261
<i>В. Ю. Козмин.</i> Неонила — кухарка в Михайловском	276
<i>А. Н. Марков.</i> Анекдот XIX века	280
<i>О. И. Михайлова.</i> Зачем Пушкин ездил к Юсупову	283
<i>Н. А. Тархова.</i> Заметки к «Летописи»	289
<i>А. М. Чернинский.</i> Мотив «осла» в рукописной периодике царскосельских лицеистов	296

Из материалов юбилейных торжеств

<i>А. Д. Гдалин.</i> Новый памятник Пушкину в Санкт-Петербурге	301
<i>В. Бялый.</i> О международном обществе пушкинистов	304
<i>Указатель имен</i>	307
<i>Указатель произведений Пушкина</i>	328
<i>Список иллюстраций</i>	331